

В тюрьме

Описывать те трудности, которые я пережил при расставании, я не буду. Каждый может их представить. До Васькова нас довели на лошади, дальше мы должны были ехать в Ржев поездом в 6 часов. Я должен был ночевать в милиции, но упросил Иванова ночевать у дяди Дмитрия Филиппова в Васькове. Утром – Покров Пресвятой Богородицы, все едут на ярмарку, кто ведёт корову, лошадку, а кто бычка, и по пути с ними милиционер Иванов ведёт меня, только не на ярмарку, а в тюрьму. Мы сели в поезд и в 8 часов утра уже были во Ржеве.

Прибыли во Ржев и, прежде чем пойти в тюрьму, я предложил Иванову выпить чаю. Мы зашли в столовую, где работали наши земляки. Русанов Николай Гаврилович, уже бывавший в тюрьме, узнав о случившемся, кой-чего мне сказал одобрительное. То есть, не падай духом, такой как ты замечательно заживёшь там, только как придёшь, сразу заяви, что ты хороший кузнец, и ты дня не будешь сидеть в камере, тебя пошлют в кузницу работать.

Придя к тюрьме, действительно стало страшно, привратник брякнул замком, отодвинул засов, впустил нас в проходную. Меня обыскали, записали, что я кузнец и повели дальше. Ещё прошли третьи двери, везде тяжёлые замки и засовы. Меня пихнули в изоляционную камеру, мы должны выдержать карантин. Камера одиночка, но нас в ней оказалось 12 человек, все оказались наши – кустари, мельники, маслобойщики, кузнецы – все по одной статье. Много задавали мне вопросов, но я не слышал их. Мыслями я был Щелкачёве, я никак не мог оторваться от той плодотворной работы,

Ржев, железнодорожный вокзал. 1915 год

какую я проводил на свободе, я тысячу раз ставил вопрос перед собой: кто же больше виноват, я сам или низовые представители власти. Девять лет недолгий путь, я его быстро проанализировал и проверил всю свою деятельность, искал корень ошибки, приведшей меня сюда. Начинаю с пожара – нет, чёрный передел – нет, мои общественные работы – нет. Нянька и ученичество. Но позвольте, как же так! Может быть, безусловно жена моя должна наших 4-х детей качать? Но кто же пойдёт отвечать корм для скота, доить коров, вешать молоко, записывать – сегодня прибавила таких-то кормов столько-то, получила прибавку молока столько-то. Нет, ей тоже нельзя сразу два дела делать. Накормить ребёнка – это её дело, но нянчить – нет. Следовательно, то, что я держал няньку, мне приписали признаком обложения – это неверно. Иду дальше. Ученичество. Но ведь я, как сейчас вижу, жирным шрифтом в газете было напечатано воззвание к кустарям учить молодёжь. Ведь они же сами просили меня за это! Давали льготу по налогу и теперь меня за это обвиняют! Это форменная ловушка! Но позвольте, ведь если я учил кормить скот, вешать корм, молоко, вести это молоко в город рабочему, ведь если бы польза от учеников была мне больше, чем ученику. Но здесь-то от моих трудов польза была для моих учеников – молокодатчиков, но не для меня. И польза государству. Последнему нужно было бы специально держать для таких целей людей, платить им зарплату, но они меньше

дадут пользы, потому что у них только слова.. А я всё покажу на практике и буду делать это по совместительству. Значит, я здесь приносил большую пользу для государства, но, благодаря невежеству низовых работников, такая услуга для государства была премирована тюрьмой.

Так я все свои 9 лет проанализировал и нашёл, что в каждом отдельном году по совместительству я многое делал для общественно полезного дела и для нашего государства, которое, если посадило меня сюда, то будет сожалеть, но будет поздно. Я как будто бы уже приходил к концу и стал делать заключение в своих мозгах, что, если я и попал сюда, то винить буду не самого себя и не дела свои, а головоотяпство низов советской власти, допустивших такую грубую ошибку. И я мыслями своими только хотел переключиться на своих малышей, стоящих на крыльце моего дома, кричащих: папа, не ходи с милиционером, иди домой, пусть дядя идёт один! Тут меня окликнули, эй, гражданин, что же вы нам ничего не ответили, ведь как впустили вас, мы вам несколько раз задавали вопросы, но вы как глухой, ни на что не отвечаете, довольно скучать о доме, расскажи лучше, за что тебя сюда пихнули и на какой срок. Я слышал ваши вопросы, но я никак еще не мог смириться в своих мозгах с тем, что случилось, я пришёл сюда не как вор или убийца, а меня привели сюда 9 лет в Щелкачёве, вернее результаты этих лет.

– Так как же по-твоему выходит, – задаёт мне вопрос один мельник, – считать ошибкой, что тебя сюда привели?

– Не знаю, граждане, какие у вас дела и за что вы здесь, но, если и вас за это привели сюда, то будем считать не только за меня, но и за всех вас, что сделана большая грубая ошибка. Правда, тяжело будет нам, но государство за это здорово заплатится.

– Почему, – задают мне вопрос.

– Кто я был в своей деревне, разве я кулак? Я был фактически проводником мероприятий советской власти. Надо было поделить землю, кто помог этому у нас в деревне – я. Потом я был полевод-агроном, зоотехник, мне не дали только сырный завод построить. А вот коллективная уборка хлебов, разве это плохое было начало с моей стороны? И, проработав только один год, мы уже начали мыслить не только о коллективной молотье, но и о посеве-уборке. Мы мечтали купить жнейку, косилку, сеялку, и я ночи не спал, планировал это дело. Но они меня сорвали на самом интересном месте и за это заплатятся.

Меня спрашивают:

– Гражданин, вы должны читать литературу, скажите, что вы читали?

– Я читал газеты и журнал «Сам себе агроном», но я читал только про многополье. Я его изучил, на другое мне не хватило времени.

– Следовательно, вы не знали, что мы в периоде коллективизации страны.

– Понятия не имею, а за слово «кулак» я только понимал таких, как наш Чубук, который берёт у мужика скот за полцены, на всём эксплуатирует окружающих. Вот если бы только таких кулаков выбирали из деревни, то это, пожалуй, чистая польза была бы для государства, но на мне ведь ему только убыток!

– Так вот выходит, что вы за самое-то важное и не читали!

– Нет, – отвечаю, – но я вот читал и знал, что при коллективизации будет впереди окулачивание, а потом раскулачивание. Это значит, что в одной деревне один может быть бедняком, а в другой с таким же состоянием может быть кулаком. А почему это так? А потому, что первый в своей деревне самый бедный, а второй в своей деревне самый сильный.

– Вот я знал, – говорит он, – что в первую очередь должно пройти окулачивание, отбор зажиточных, а потом их раскулачивать будут. Вот что сейчас и получается. Тебе простительно, что ты не знал, но я вот, говорит, хорошо это знал и сидел, дожидался, когда придут и возьмут, а то было жалко самому сматывать удочки. Вот теперь и будем сидеть и ждать погоды, и с первым попутным ветром нас погонят дальше, теперь мы окончательно вышиблены из колеи и давайте думать не за старое, а за новое.

– Ах, вот как! Тюрьма-то тоже открывает глаза кой на что, – ответил я и поблагодарил собеседника.

К нам давно уже приходил дежурный, велел построиться в затылок, посчитал на штуки. Засов щелкнул, повесили замок.

Первую ночь я почти не спал, я был новичок, и лечь в камере мне не хватило места, я простоял в углу. На вторую ночь я уже потеснился, и мы спали как поросята, а такая плотность была, что тела наши горели друг от дружки.

Первоначальная тюремная жизнь

Через 2 дня нас показали врачу и перевели этажом ниже, я был посажен в камеру № 7, здесь уже были преступники всяких сословий, но большинство рецидивистов. В первую ночь меня обо-

брали, так что ни денег, ни продуктов у меня не осталось. Здесь уже была другая обстановка, другие люди, другой разговор. Кулаков здесь было мало, а были больше люди нетрудовых профессий. Нас было около 50 человек, и здесь не услышишь разговора о сельском хозяйстве, зоотехнике, агрономии, о севооборотах, о работах в кузнице, а здесь был только обмен опытом, кто как украл, как он сумел подойти к этому – сухо или мокро. Если мокро – значит, дело не обошлось без убийства. Одним словом, я понял, что если сюда попал вор с узким кругозором, то его здесь разовьют и научат быть квалифицированным. Все это были люди противоположного лагеря, и нас они считали той верхушкой деревни, о которой им всегда приходилось думать, как того или другого обобрать. И вот когда нас с ними свели, над нами позволяли всякие издевательства. Жаловаться администрации нельзя – мы тоже для них были чужие, следовательно, надо было самим как-то сжигаться. В такой обстановке не было минуты о чём-нибудь думать, а только слушай с утра и до позднего вечера подтрунивание над тем или иным кулаком. Если кто пытался заступиться, сразу на того обрушивались. Я старался не замечать этого, но мне глубоко западали слова мельника, который рассказывал об окулачивании кулаков, то есть выборке самых зажиточных. Я не являлся таким. Я только имел девятилетку, у меня был пожар, всё у меня сгорело. Всё, что у меня есть – всё снаружи. Но у нас есть живущие из рода в род зажиточные, почему они не попали в кулаки? У них также есть наёмная рабсила. Если мельник прав, то надо мной совершенна грубая ошибка, я должен хлопотать. И вот когда в камере всех наших кулаков забили в щели, пошли в атаку на меня, я приготовился к отражению.

Если я пытался умалчивать больше, то это их страшно бесило. И вот однажды темперамент с обеих сторон был поднят до пределов, я не только встал, а вскочил и сказал: «Ребята, обождите, мы не будем скандалить, вы лучше послушайте меня, я расскажу вам одну историю про графа Анжерского, она будет называться: “Будет смеяться тот, кто смеется последним”. Это очень интересная история из книги Дука-Ми-рона¹, довольно длинная. Я был подогрет до наилучшего настроения, вышел на середину как артист хороший и болтал языком и показывал жестами. В камере получилась гробовая тишина, и чем больше я говорил, тем внимательнее меня слушали. Я говорил больше часа и, когда закончил, мне аплодировали как в театре. После истории про графа Ан-

¹ Вероятно, имеется ввиду «Декамерон» Д. Бокаччо.

жерского я рассказал историю про себя, про свои девять лет. Вы видите кто я? Я подтвердил про пожар документом, у меня был одобрительный приговор от беднячко-средняцкой части деревни. Следовательно, что вы напали на нас? Ведь вот я слушал вас, вы все так остроумно острили. Говорите – это за то, что среди вас нет дураков-то, а поэтому, если вас потянуть с той дорожки, по которой вы шли, на мою дорожку, то не мало из вас получилось бы таких как я. Так вот, друзья, мы попали сюда не потому, что мы правильно или неправильно наживали, а потому что советской власти надо в деревне построить колхозы, а чтобы их построить, надо убить частную собственность. Вот поэтому и приписали кулаку, что он неправильно наживал и загнали его в тюрьму самого, а через обложение заберут всё имущество остальное, посмотрят, что вон Парнова или вот Иванова обобрали, да дали ещё по 5–10 лет тюрьмы, остальные сами всё отдадут, поэтому давайте все жить по-новому. Оберут нас, нечего будет делать на воле и вам. Вы вот всё время рассказывали, что обирали только богатых, а теперь с коллективизацией все будут иметь поровну, и вы будете иметь не меньше других, а поэтому не будем здесь издеваться друг над другом. Я правильно рассказал вам историю “будет смеяться тот, кто смеется последним”, и прошу нас оставить в покое». Такое мое выступление окончательно их парализовало, я сделался полным хозяином камеры. Если я кого просил к порядку, и он не подчинялся, я ставил вопрос перед всеми: если он не подчинится, то в час досуга я больше вам ничего не буду рассказывать. После этого все брали в работу того, кого я призывал к порядку.

Организация тюремной кузницы и работа в ней

После графа Анжерского моё положение в камере улучшилось, меня за рассказ премировали местом на нарах. Среди них был один нарушитель общественного порядка, его оштрафовали, то есть положили под нарами, а меня за графа Анжерского из-под нар положили на его место. У меня создались условия, что я мог написать кое-что. Во-первых, я решил подавать жалобу до Центра о неправильном обложении, а поэтому на очереди у меня могла быть жалоба в порядке прокурорского надзора. Я её сдал тюремному юристу для передачи прокурору. Затем я вспомнил наказ Русанова, что, если в проходной запись окажется недействительной, то ты подай заявление начальнику тюрьмы. Когда придёт дежурный на поверку, ты ему и подашь. Я так и сделал,

но не один раз, а в течение недели подал 3 заявления. Но ни по одному не вызывали меня в кузницу. Оказалось, что нужна была взятка, но я был на них очень скуп.

Прошла первая мучительная неделя, завтра день передачи, приедет кто ко мне или нет? А кого ожидать кроме жены? Есть три брата, сестра, для всех них я уже успел сделать много хорошего, но вспомнят они про меня или нет, не знаю. Только в тюрьме жить без передачи очень тяжело. Наконец, пришло завтра, получил от жены передачу, этот день был для меня как пасха. Покушал, жду свидания, вызвали в тюремный двор, встреча была очень тяжёлая, не столько говорили, сколько плакали. Жена рассказала, кто как на это смотрит в деревне; дети каждый день меня вспоминают, а я ей рассказал, сколько вшей и клопов и какой породы, сказал, что за графа Анжерского получил премию. Тюремный надзиратель на этом оборвал наш разговор. Срок свидания окончился, и мы должны были распрощаться. После свиданий все рассказывают про новости в деревне, рассказал и я, что в деревне у нас проводили самообложение, с кулаков постановили взять 100% оклада, значит $488 + 488 = 976$ рублей, за налог повели скот со двора.

Сижу и припоминаю разговор с мельником о раскулачивании. Да, 9 лет прожил неплохо, многому научился и многое провёл в жизнь, а построение социализма совсем упустил из поля зрения. И вот теперь на раскулачивании приходится учиться. На чём строится и как строится социализм в деревне? Из последней прибывают в тюрьму всё новые и новые жертвы построения социализма, а за то, что много работали, за это и посадили в тюрьму. Думается, надо бы убавить спеси до работы, так нет, и в тюрьме тебя тянет на работу. В кузницу не посылают, так ты лезешь вагоны разгружать, только бы услышать окрик, кто желает на работу? И каждый день разгружали овёс-семя, гравий, за нас тюрьма получала денежки, ну, а мы за это только удовольствие, что поработали. Среди тюремной администрации пошёл разговор, что если бы заключённые все были из кулаков, тюрьма скоро была бы очень зажиточной.

Окончился трудовой день, приходим в тюрьму, вхожу в камеру. О Боже, кого я вижу! Петровский Пётр Петрович. Как ты попал сюда? Да вот, во имя построения социализма... Ну ладно, друг, давай на пару, а то я всё один подхожу за порцией, а теперь будем брать на двоих. Я его ознакомил с порядком в камере. Посчитал, сколько прибыло новых людей, а потом указал – как кончится проверка, сразу занимай место под нарами. Если прозеваешь, то по-

следнему придётся ложиться возле самой параша. Спать-то неприятно, да и тебя ночью обкапают. Ребятам отрекомендовал, что это мой друг по деревне и не обижать его, иначе не буду про графов рассказывать. И мы с ним зажили, что называется по-братски. Он мне рассказал, что у меня, кажется, осталась одна корова да лошадь, а то всё пошло на налоги, сказал, что после самообложения ещё был единовременный налог, с кулаков 50% налога Е.С.Х.Н. Мы прожили с ним неделю, ходили на разгрузку, но за хорошего кузнеца – ни слуху, ни духу.

И вот наутро приказ по тюрьме – 100 человек на этап, вошли со списком в камеру № 7. Боже мой, и Парнов – выходи с вещами. Как мне было тяжело расставаться с Петром Петровичем, мы в слезах расцеловались, и я пошёл. Спускаюсь по лестнице и думаю, не приедет теперь ко мне никто с передачей, погонят в Сычёвку, а там, может быть, и дальше. Вышел, построились в шеренгу, начальник тюрьмы обходит, спрашивает, нет ли жалоб, претензий. Когда он со мной поравнялся, я два шага вперёд. «Тов. начальник, я подавал на ваше имя несколько заявлений о том, что я такой-то кузнец, у вас есть обоз, есть кузница, но вы со своими работами ездите в чужую кузницу». Тот спрашивает:

– Ты хорошо работаешь? Вызываю весь Ржев на соревнования, кто лучше сделает. Как твоя фамилия?

– Парнов.

– Выйди вон, на место Парнова взять нового человека, а ты иди наверх.

Радости моей не было конца, с Петровским мы опять целоваться, а через час меня уже вызвали в канцелярию, я объяснялся с завхозом тюрьмы. Тот свёл меня в кузницу, показал всё, что там есть, и поручил мне организовать её.

– Если у тебя есть люди, способные работать, забирай, вот тебе ключи.

Я иду обедать, а после обеда забираю Петра Петровича себе в помощники, и пошли мы после обеда в кузницу. Вот когда я вспомнил слова Русанова, что с моими руками и в тюрьме неплохо будет. И действительно, с этого момента мне было очень неплохо. Мы были в тюрьме только ночью, а днём всегда на воле. К нам могли ходить каждый день на свидание, со мной, как со старшим по кузнице, совещались. Мы опубликовали в местной печати, что в тюрьме открывается кузница, каковая принимает заказы и от частных лиц, я организовал на 12 человек рабочих. Мы делали все работы по ковке лошадей; так нас завалили работой! За всё, ко-

нечно, получала тюрьма, но и нам как арестантам тоже были по-дачки, я ходил свободно по городу за железом, за углём, возили на базар сани продавать. Зачастую я приходил только к поверке, вся администрация меня знала. Все они были из соседних деревень, имели с/хозяйство, и каждый шёл ко мне не то, так другое сделать. Всем я делал, но зато и сам пользовался много свободой, был всеми пускаем во все этажи и во все камеры.

После нас пригоняли все новых и новых кулаков, я многим помогал в передачах. Тюрьма настолько была переполнена, что стены её не стали вмещать прибывающих. На март месяц была объявлена разгрузка, и я попал в первую очередь. Нам было предложено несколько городов, куда желаешь, на переезд давали срок 1 месяц за свой счёт. Я имел срок 1 год и 2 месяца, просидел 6 месяцев, за остальное мне дали 2 года высылки. По моим обжалованиям я ни на что не получил ответа, поэтому, получив направление в г. Устюжна, я забрал вещички и поехал домой в Щелкачёво. Приехав домой, имел в своем распоряжении месяц свободы.

Я забираю свои материалы и еду в Москву, справочное бюро меня с моей жалобой направило в Верховный суд РСФСР. Там действительно её разобрали и дали мне своё решение – высылку приостановить вплоть до особого распоряжения. Я, конечно, был и этому рад и возвратился восвояси.

Второе индивидуальное обложение и переезд в Ленинград

Возвратясь домой из тюрьмы, я как будто побывал на курсах, а поэтому имел понятие о построении социализма в деревне. Везде загоняют в колхозы, и у нас организовался колхоз, но в нём не было бедноты, а поэтому он просуществовал только до посевной. Меня, конечно, не приняли, я был как кулак, а поэтому мне, начиная дальнейшую жизнь, нужно было начать по-новому. Мне с весны было дадено задание на посев, а поэтому я построил свою жизнь без всяких признаков обложения, то есть у меня никакой раб. силы. С весны немного поработал в кузнице, а потом, поскольку дано задание, где говорилось, что если я его не выполню, опять пойду под суд, я сам стал пахать и сеять, и так дело пошло до покоса, вернее до уборочной кампании. Мне привозят из коммуны «Красная нива» сварить ножи к косилкам и жнейкам, я на полевых работах. Говорю, что я выполняю задание по посеву, и кузница у меня закрыта. Я отказался. Тогда мне из сельсовета предлагают приказом произвести ремонт, иначе за срыв опять пойду под суд.

Пришлось делать. Далее предлагают в «Красной ниве» отремонтировать уборочные машины, иначе опять под суд. Пошёл нажим по двум линиям: и по кузнице, и по с/х, везде грозят тюрьмой.

Поэтому я решил своё с/х сдать в «Красную ниву» и перейти к ним на работу в качестве кузнеца. Я переговорил с председателем коммуны и с председателем сельсовета о своих намерениях, при условии, если они с меня снимут задание. Соглашение было достигнуто, я должен сдать всё, за исключением коровы, в «Красную ниву» – скот и землю с урожаем. Взамен этого перехожу работать к ним в кузницу за плату 150 рублей в месяц, получаю паёк наравне с членами коммуны. Положение вполне приемлемое, но в этот момент брат Николай – письмо за письмом из Ленинграда – приезжай сюда, мы сняли квартиру с ремонтом на всех братьев хватит.

Иди в колхоз

А работы – сколько хочешь.

Я долго над этим вопросом думал. Во-первых, уехать – значит надо с деревней порвать, ликвидировать моё молочное хозяйство, но пусть, оно ведь у меня не является основным. Я его только и вёл, чтобы учить односельчан, как заниматься животноводством и молочным делом, я просто на нём хотел, чтобы их подтягивать за собой, чтобы они тоже были зажиточными. Но раз моё молочное хозяйство попало под раскулачивание, не моя вина в этом. Но ликвидировать кузницу, которая за 25 км гремела, слава за ней была непревзойдённая, и эта слава даром не даётся и сразу не создаётся, а только годами наживается. Как это можно её оставить? И, в-третьих, теперь строится новая жизнь, колхозы, в правление избирается самая беднота, что от них можно ожидать? Ну, если бы только николаевская беднота, а то самая настоящая советская беднота, даже после того как наделили их землей, многих скотом, с них не брали налогов Е.С.Х.Н., но они всё же остаются бедной. Почему это так? Да потому, что они говорить только умеют,

Агитационная листовка. 1930 год.

но работать они не умеют и не хотят, все лодыри, пьяницы. Поскольку им от советской власти всё было дано, созданы все условия, но они всё равно остались беднотой, а всякие льготы для них дают им повод и не стараться. Их выбирают в правление, значит, им опять манна с неба, им созданы возможности не трудиться, а жить лучше других. А какие итоги можно ожидать? Вот я поработал месяц в «Красной ниве», видел – сено было готово, надо было убрать, а у них звонок на обед, и все сидели за обедом спокойно, когда в это время сухое сено мочил дождь, пропал труд и испорчен корм. Ещё случай: жали рожь, звонок ударил на шабаш, но до захода солнца можно было все снопы поставить, а они спокойно пошли домой, потом эти снопы три дня мочило дождём. Целый ряд можно привести таких антихозяйственных поступков, которые абсолютно ничего не обещали хорошего от такого руководства: куда в коммуне не посмотришь, прямо болью сердце сожмётся. Председатель – мальчишка, ни практики, ни теории, ничего нет, дурак дураком, и уши холодные, но он чувствует себя хозяином, все подходят – товарищ председатель и только, а он уже пешком и не ходит: или на выездном шарабанчике, или в седле объезжает отобранную у кулаков лошадку.

Обойдя всё это в уме, пожалуй, лучше уехать в город, ничего не видеть и не расстраиваться. Пусть поживут и поработают без нас, агрономов-самоучек, а то можно ещё чего хуже заработать – у них и так не пойдёт, а они будут на кулака сваливать, и ты будешь виноват. И так я, наконец, решил покончить с деревней – поеду в город. Придётся привыкать только к самой жизни в городе, но все работы городские мне известны, я на них учился. Окончательно решил ехать, там братья подготовили что-то для жилья, зовут, видимо, надеются, что будет не хуже. Решил сматывать удочки.

Но я должен что-то поубрать, так оставить нельзя. Кто знает – едешь, думаешь на время, а может быть, и десяток лет проживёшь. На месте оставить – порастацут, а продавать – зачем, боже упаси, без нас агрономов у них ничего не выйдет, они ещё пересмотрят своё по отношению к нам решение и создадут условия вернуться в деревню. Зачем я буду продавать? Нет, ничего не продам. Хлеб, 30 пудов, везу к сестре, она бедняк, её будут раскулачивать. В Соколово, Лаврово – там хорошие друзья. Итак, с остатками хлеба всё определено, с государством покончены расчёты, приступаю к кузнице.

Боже мой. Сердце от боли сжалось, сам же я её по винтику собирал и теперь собственными руками должен сломать! Я закрылся

изнутри в кузнице и наплакался досыта. После я взял одно горно получше со всем к нему инструментом, сломал и перенёс в амбар, а другое оставил на месте. Думаю, может для селения потребуются кузница, то они её найдут вполне пригодной для работы. Так я всё привел в надлежащий вид, собираю на дорогу и уезжаю в Ленинград. Сестра просит взять с собой крестника, её сынишку, который у меня учился.

Едем. Долго я не мог оторваться взором от своей деревни. Так она мне была почему-то дорога, что я выразить не могу. Когда я расставался с Малинниками, с Бароновской артелью, с Азовом-на-Дону, то я так не болел, как болел за Щелкачёво. Я стал мыслями отрываться от него, только когда Лавровская гора скрыла моё милое дорогое Щелкачёво, я не стал больше глядеть назад, а стал смотреть вперёд – и глазами, и мыслями.

Меня провожала жена, она много плакала, уговаривала, не ездь, Ваня, в город, тебе нас там не прокормить, у нас только куча детей, у нас почти по две пары белья на каждого только, я тебе напоминала за это несколько раз, что одень ты семью, не заводи всё сразу в хозяйстве, но ты не послушал меня, откладывал годочками, а вот теперь смотри, нас 6 человек, будем сидеть на твоей шее, я от такой мелочи ведь никуда не могу устроиться на работу и будем поневоле сидеть на твоей шее. Смотри сам, поедешь, трудностей у тебя будет больше. И она меня так расчувствовала, что я уж думал не ехать. Но натура у меня паршивая, если что решу, то никогда шагу не делаю назад. А поэтому мы подъезжали к станции, я взял билет, расцеловал её и уехал в Ленинград.

Мечты о старом и новом

Ехать в Ленинград пришлось в купе 2 класса, так как других мест в поезде не оставалось. И такое положение создало для меня условия сидеть и мечтать, перебирать в мозгах всё прошлое и предстоящее. Да, жена права, что мне предстоит впереди трудная жизнь. Но поворота назад нету, только бы я устроился скорей с жильём и работой. Как у них там с квартирой, что сделано, а что нет, лишь бы скорей дали работу, а я уже кой-чего испытал на практике, в суде я правильно сказал: где я, там и мой хлеб, только не лишайте работы. Так и теперь – приеду, только бы скорей устроиться на работу, и дело пойдёт. За новое в мозгах уже решил, но мы ещё далеко от Ленинграда, следовательно, в мозгах есть свободное время мечтать.

Путь моей жизни оказался очень тернистым. Три раза я начинал жить, и всё впустую. Начинать с маленького, но оставался ни с чем, в артели много заимел, и всё лопнуло. До пожара в Щелкачёве заимел уже рысака, думал поживу, всё сгорело. Во время последней 10-летки опять много заимел и имущества, и знаний в жизни. В труде, и опять остался ни с чем. Я был молод и со многими пословицами соглашался, но с одной никак не мог. Это с той, что говорила «от сумы да от тюрьмы не зарекайся». Но вот когда я побывал и в тюрьме и вот второй раз, может быть, почти с сумой стал, то я ей поверил. У меня, правда, ещё много осталось в деревне, но ведь для построения социализма придумывают всё новые и новые налоги, за всё там жена рассчитывается, что нам останется, не знаю.

Так что приходится жизнь свою начинать четвёртый раз, и надо её начать как-то умнее, продуманнее, изучить все прошлые ошибки, чтобы новую десятку лет начать жить расчётливее, а самое главное, опираясь только на завтрашний день, только на будущее. Как это понимать? Такое выражение, я боюсь, не спутали бы с тем, когда говорят, что можно сделать сегодня, не откладывая на завтра. Это тоже верно. Но если я сказал «опираясь на завтрашний день», это значит, что все что ты можешь сделать сегодня, сделай так, чтобы от трудов твоих сегодняшних было твоё и завтрашнее, и будущее гарантировалось чем-то лучшим. Поскольку мы попали жить в такой исторический отрезок времени, следовательно, далее надо жить более продуманно, если не хочешь ещё раз попасть в западню. Семь раз обязательно смеряй, а потом отрезай.

Последняя десятка лет укрепила во мне окончательно мысль и склонность, что я могу хорошо жить с окружающими, помогать им в чём могу, тянуть их за собой. И тюрьма меня ещё кой-чему научила: если ты живёшь в эпоху нового времени, неустойчивого положения, в эпоху проведения в жизнь новых реформ и прочих государственных мероприятий, то ты не увлекайся слишком своим, не увлекайся своей славой, а помни за общее дело, будь политически подкован. На всё смотри, смотри на свою страну, смотри дальше за границу, научись отгадывать, что государство замышляет, какими путями можно подойти к намеченной цели. Это будет верный путь следующей десятки жизни. Я побыл в тюрьме и не жалею об этом, она мне много дала. Спасибо этому мельнику, который вовремя мне подметил, что надо не только читать агрономию и зоотехнику и ковать лошадей, но

надо читать политику и изучать её. Поезд, в котором я ехал, подходил к Ленинграду, и мечты мои приходили к выводу – я въезжаю в него и буду жить по-новому, буду работать и буду политику и международные обзоры читать каждый день. Они для меня будут как хлеб, как воздух.

Встреча

Наконец, мы прибыли в Ленинград. Это было утро 4-го октября 1930 года. Я на этой платформе был ровно 13 лет назад, у меня за него остались впечатления как за величественный город с его резко выпяченными витринами магазинов, яркими вывесками, изумительных расцветок в строении домов. Особая публика у Николаевского вокзала и по Невскому ездит в воскресный день, здесь не увидишь ни одного рабочего, все господа одеты прилично, все в манишках. Одним словом, шик и блеск. Раньше в праздник и барин и рабочий и служащий все ходили в манишках, выделялись только нищие, стоящие на панелях и просящие милостыню. А извозчики закладочки имели. Как мы в деревне только на свадьбу наряжали лошадей, то здесь это было обычным ежедневным. Сам извозчик был одет в халат хорошего синего сукна, подпоясанный ремнём со светлым кругом, шляпа с четырьмя уголками.

Мы с Ваней забрали свои вещички и вышли во двор вокзала, и что-то мне сразу бросилось в глаза. Я выходил с чувством, что мы приехали в Ленинград, но как увидел извозчиков, мне по их закладкам и одеяниям показалось, что мы находимся в нашей Старице, и ,несмотря на то, что я был опролетаризирован, я почему-то вспомнил себя здесь артельщиком, коему разрешалось ездить только на извозчиках, а сейчас тем более, когда я с багажом из поезда. В таких случаях все ездили на извозчиках. «Возьмём, – говорю, – Ваня и мы, скажем адрес, и он нас довезёт туда, куда надо».

Взяли, поехали. Я не вытерпел и сразу задал извозчику вопрос, почему вы так сейчас плохо выглядите, и экипаж, и сбруя, и лошади. А он мне говорит: «Вы давно , товарищ, здесь были?» «13 лет», – отвечаю. А он мне говорит: «А 13 лет назад я тебя в твоём костюме и в коляску не посадил бы, вы забываете, что у нас была революция. Ведь сделали переворот, вот всё и перевернули». Сам вытащил из под ног здоровенный кнут, да как хлестнёт по лошади, что раньше никак не разрешалось, тем более на Невском, по которому мы ехали.

Немного спустя я второй вопрос извозчику, какой сегодня день? Он мне говорит – воскресенье. Удивительно, думаю я, праздник, а все одеты по-рабочему, ни одного барина не встретил, все мужички в кепках. Магазины хотелось посмотреть – ни одной вывески, кроме аптеки, не встретил, дома, видать, тоже после переворота ни разу не красились, все поблекли, некоторые даже облупились. Хотелось третий вопрос задать извозчику, да я уже сам сообразил, что он мне ничего нового не скажет, опять про тот же переворот.

Мы доехали до адреса, застали братьев дома. Были очень рады встретиться, расцеловались по-братски. Мы в последний раз виделись ещё до моей тюрьмы, жили в разных деревнях и собирались вместе только в праздник. Я им всегда рассказывал свои новинки, что я ввёл нового в своём хозяйстве, чего добиваюсь и достиг по линии общественности. Когда мы были моложе, они мне как-то мало верили за то, что я им доказывал – жизнь интереснее будет, если будешь жить не только для себя, а и для других, то есть для того селения, в котором ты живёшь. Ну, а когда они увидели, что за все это оплачивалось взаимно тем же, они мне больше не возражали и соглашались, что моя платформа вернее. Одним словом, я в последнее время был у них всегда в центре, они прислушивались ко мне, даже и старший брат, каковой всегда опирался на свои лишние 5 лет, стал слушать меня и применять в своем хозяйстве те или иные опыты с меня. А старшая сестра уже до того дошла, что ни единого шагу не шагала вперёд без моего совета. И вот, пережитое по всякому до этого время с братьями, последнее в деревне у нас было самое наилучшее. Каждый был на своём месте, уже не по возрасту, а по материально-нравственному положению. И вот с таким мировоззрением мы расстались, и сейчас встретились вновь, но не в деревне, а в Ленинграде. Срок нашей разлуки был невелик, но многозначителен. Я был в последнее время среди них самый зажиточный, самый популярный общественник в деревне, самый почётный кузнец в округе, но этот отрезок времени сделал меня из них самым бедным и побывавшим в тюрьме и потерявшим авторитет своей общественности и оставивший свою окружную славу кузнеца. Как это всё поняли мои братья, и как они расценят, я не знал. Но уже в купе вагона я дал слово себе, что буду жить только по-новому, я не буду дальше заниматься общественностью, не буду дальше увлекаться расширением мощи своего хозяйства, а буду только работать и изучать политику. Вот с такими взглядами я открыл нашу беседу, я не начал с того, как

после пожара, охать да ахать, что я буду делать, меня обобрали, караул... Нет, если меня обобрали внешне, то внутренне меня обогатили, тюрьма многое дала мне в мозги мои.

Я коротенько повторил историю за себя перед братьями, они уже и без повторения её знали. Я им рассказал за свою жизнь и работу в тюрьме, это для них было новое, рассказал им, сколько кулаков прошло через тюрьму за зиму. Рассказал, сколько кулаков вывели ночью и поставили к стенке, как тащили их с нар, некоторым каблуками рубили пальцы, чтобы оторвать их от нар. Я рассказал им за нашего старшего брата, что он тоже сидел в смертной камере, и не за раскулачивание, а только за то, что в его селении организовали колхоз, он был против него и погрозил бедноте, а последняя заявила в ГПУ, и он был посажен в смертную камеру. Он был лишён не только свидания с родными, но и передач. Я рассказал о том, как поехал в его деревню, почти выплакал одобрителный приговор для него от селения, все они работали у меня в кузнице, всем им много когда-то было сделано добра, и это добро поплатилось добром. Мне одобрителный приговор подписали даже те, кто подавал на него заявление. Один из них, подписываясь сказал: «От отца мне досталась борона без плуга и телега без колес, но ты, Иван Павлович, меня тогда сделал крестьянином,

Вознесенский проспект. Справа – трёхэтажный дом, в который приехали жить в 1930 году братья Парновы. Снимок 1900-х годов.

я рад оказать тебе любую услугу, даже и эту, хотя ты просишь за брата, каковой совсем не похож на тебя своими делами, но я тебе подпишу». И подписал. Я рассказал братьям, как я сразу поехал во Ржев, свёз приговор, свёз передачу в смертную камеру. И опять только благодаря тому, что я смог заслужить авторитет среди тюремной стражи, мне не только дали передать передачу, но и разрешили свидание с братом на 2 часа вместо положенных 10 минут.

Я рассказал, кто у меня был с передачей и кто не был, рассказал, какое она имеет значение в тюрьме, рассказал, что мне ни один брат и сестра даже письма не прислали, и рассказал о разговоре с мельником, каковой мне разъяснил, что я пострадал не за то, что я занимался не тем, чем следует, а за то, что я не занимался политикой, не читал её и не видел, что будет впереди. А теперь я за этот отрезок времени всё имущество потерял, зато научился знать, что такое социализм и его построение. Ты ни в одной газете, ни в одной книге не встретишь разъяснения, для чего это раскулачивание. И главное, окулачивание. А вот если ты имеешь в своих мозгах кусочек мудрости, ты сам разумеешь, что вот если построить колхозы, то надо убить частную собственность. Если бы объявили сразу всем, что всё то, что вы имели, всё будет являться государственным имуществом, от этого ничего не вышло бы. Ну, а когда при окулачивании выделили верхушку деревни, обобрали её, бросили в тюрьму и даже расстреляли, но не потому что у них уже действительно таковая преступность, а надо было взорвать корень частной собственности, а через раскулачивание заставить остальных отнять руки от своего имущества. Некоторых просто заставить побросать свои частнособственнические гнёзда и бежать в город, других добровольно сдавать своё имущество в колхозы и самими входить в таковые. Это и есть, что нас привело сюда с вами. Как на вас промежуток времени, разлучивший нас, подействовал, я не знаю, лично я пока благодарю Бога, что остался жив. Жив именно потому, что жил не для себя, а жизнью общественной, последняя меня, конечно, во многом защитила, а поэтому, если бы попытались бы меня упрекать сейчас – за дело тебе, чтобы ты с ней поменьше занимался, то я скажу вот что. Уезжая сюда, я сказал своей жене: «Продавай столько, сколько потребуется для уплаты налогов, а остальное, когда будет колхоз, мы сдадим в него». Я решил это сделать не для того, чтобы совершить опять новый необдуманный шаг, а наоборот показать, что я от них уехал не как какой-нибудь паникёр. А уехал потому, что мне нельзя было там дольше оста-

ваться, и уехал я, не ликвидировав того, что им будет нужно, я уезжал не как другие – втихомолку, а открыто, со всеми прощался, меня очень сожалели и как кузнеца и как общественника. На дорогу я им сказал, что всё останется в моём хозяйстве после расчёта с налогами, я всё отдам, то есть сдам в их колхоз. Я пожелал им скорее организовать колхоз.

На такие мои рассуждения, а в особенности за последнее – сдавать что-либо в колхоз, – брат Николай категорически был против: «Лучше продать за полцены, но им ни брёвнышка не дать. Им всё равно в пользу не пойдёт, беднотой были и будут, и сколько им не давай, всё равно все пропьют, я лично все продам, а им не оставлю». «Коля, – я ему говорю, – всё же я с тобой не согласен, не знаю только почему. Потому, что меня сильно обобрали, дескать, на остатках многого я не сделаю, или потому что у нас с тобой были разные отношения к односельчанам, разные взгляды на жизнь. Мы сейчас на пороге новой жизни, переступая его, мы должны шагнуть вперёд политически продуманно. Убивают частную собственность, строят социализм в деревне, меньше всего мы должны думать о том, чтобы опять помногу иметь. Такое строят в деревне на наших костях, ну и что ж, зато в городе – посмотри – здесь мы как и все прочие – рабочие, нигде ничего мне не сказали, что я уехал, почему уехал. Нам дают здесь работу, сдают помещения для ремонта квартир, дают льготы. Вот если мы отремонтируем площадь для себя, нам обещают 3 года бесплатного жилья в ней». Николай говорит: «Строят колхоз в деревне, ну, и пусть строят, но я лично помогать им не намерен». «Коля, – говорю я ему, – строят через колхозы в деревне социализм, но ты не забывай, что его будут строить и в городе, ты на этом себя не усыпляй: что тебе здесь и работу дают, и сдают помещения на льготах, всё это необходимая платформа для построения социализма, всё это планомерно предначертано. Простым умом здесь не разберёшь, а надо иметь кусочек мудрости в мозгах. Я тебе попробую разъяснить сейчас. Раскулачиванием перепугали зажиточную часть деревни, ты сам рассказывал про Ивана Ивановича Петрова, что ночью тот забрал самое необходимое из дома и уехал к утреннему поезду, лошадку привязал к берёзе, а сам с женой и ребёнком – в поезд и айда в Ленинград. И вот если этому Петрову в деревне жить нельзя – тюрьма или расстрел, да ещё бы и в городе его поставили бы в такие условия, то, как ты думаешь, оставил бы Петров свою собственную лошадь, каковая ему даром не пришлась, или скот на дворе? Нет, он бы взял дубину сам, такую же дал бы жене, сколо-

тил бы вокруг себя тоже колхоз, но только не для построения его, а для уничтожения. Как ты думаешь, пошло бы у них дело? Конечно нет! И теперь ты возьми, если в деревне кого раскулачили, за него сразу кричали – а он такой, сякой, он только и стоит этого. А разве в той же деревне ещё то нет таких? Есть, но их нельзя сразу всех брать, поодиночке перетаскают всю деревню, и никто за них не заступится, а деревенской бедноте подкинут кой-чего из остатков от убежавшего, и она поможет ему найти кой-кого. И вот теперь перейдем к другой части построения социализма. В деревне было душно для кулаков, а в городе на них манну с небес посыпали. Вот если бы было иначе, ты бы мне не писал: “Брось, дурак, не связывайся с “Красной нивой”, продавай всё, и айда сюда!” Вот этой манной в городе и создали сильную агитацию за то, чтобы разрядить деревню. Вот я считаю себя уже сильнейшим в этой части, и то твои письма поколебали мой ум, я уехал, а для слабых стоило полдела – продают всё, кто чего может, и бегут. Но вот теперь посмотрим, просто ли нас здесь принимают? Нет. Разве нельзя у того или иного прописать приехавшего кулака, однако ЖАКТы сильно притесняют в этом, и даже сами предлагают под ремонт свои подвальные помещения. Таким способом в городе восстанавливают дома, приводят жилищное хозяйство в надлежащий вид.

И вот теперь введена карточная система. Разве потому, что у нас мало хлебопродуктов? Нет, а потому, чтобы каждый приехавший не старался жить за счёт своих запасов, а шёл к ним на работу, то есть, чтобы принёс себя в эксплуатацию государством. Вот истинные пути построения социализма.

Далее я тебе вот что скажу: если бы все беженцы из деревни были бы таковы вот примерно как я с такими взглядами на вещи, но ведь нас как таковых очень немного, кого обобрали, и они спокойно рассуждают, говорят даже, что, чтобы убить частную собственность иначе не могло и быть, и мы говорим это спокойно, не имея ни скрытой, ни явной злобы за то, что меня обобрали. Но есть и такие, как ты: ещё ничем не пожертвовал на алтарь построения социализма, но ты весь пропитан злобой, и эта злоба будет дальше против твоей воли тебя толкать, чтобы сделать для них что-то злобное. А поэтому в центре сидят не дураки, и за это у них уже, вероятно, кой-чего намечено. Следовательно, я лично представляю, что создавшиеся для нас, беженцев из деревни, условия, – это условия временные, до тех пор пока они построят социализм в деревне, то есть колхозы. А после этого они нас вот таких, как я и ты, независимо от того, что у нас разные взгляды на вещи, поскольку

мы сюда бежали, нас всех возьмут на особый учёт. Что сделают с нами, я не знаю, но из поля зрения среди городского населения нас не выпустят. Поэтому лично я расположен жить вот только так, то есть будучи уверенным, что из колхозов, управляемых беднотой, конечно, ничего не выйдет, они завянут, как трава. Но если меня будет где касаться, я буду им помогать и в деревне, и в городе. Я сказал жене: продай в деревне столько, сколько нужно будет на налог, остальное всё отдай в колхоз. Повторяю, уверен, что у них без нас дело не пойдёт, я согласен с тобой, что они своё пропили и наше пропьют. Но всё же я им отдам, этим самым я покажу себя со стороны той, которая помогает им всем, чем может, которая не выпячивает из себя ни скрытой, ни явной злобы. Случись какая у них неудача (а они у них будут), кого они сразу будут подозревать? Да тех, кто против них, следовательно, мы, вспугнутые люди, сейчас должны быть очень предусмотрительными во всём: быть политичными и жить жизнью только будущего, сеять на общее поле столько, сколько ты в силе, и пожинать с него столько, сколько тебе нужно только сегодня. В заключение, поскольку нам пора спать ложиться, я вам скажу, что мы, пожалуй, до утра просидим, и у нас будут противоречия, потому что у нас разные взгляды на одни и те же вещи. Мы стремимся к одной и той же цели, но разными путями.

Вот сейчас мы все согласны, что без нас в деревне дело не пойдёт, и оно сойдёт на нет, нас опять позовут в деревню. Вы говорите, что в этот промежуток времени не помогать им, а вредить надо, путь их будет короче, а я говорю, что их путь будет короче, когда мы им будем материально помогать. В первом случае они будут свои неудачи сваливать на то, что им мешают, будут делать новые жертвы из числа наших, и будут делать новые попытки к своему существованию. Но зато во втором случае они будут видеть обратное, то есть им во всём помогают, но у них дело не идёт, следовательно, все неудачи им не на кого будет сваливать, и они должны изменить свою установку. Поэтому я считаю, что мой путь к нашей цели будет короче. Это одна сторона. А вторая сторона, уезжая из деревни, я попрощался и сказал односельчанам: «Я приехал к вам в Щелкачёво почти только с детьми, и с ними только уеду. Всё, что я у вас нажил, я оставляю вам, то есть будущему вашему колхозу». Вы вот улыбаетесь, — говорю я братьям, но я повторяю, что я этим самым сделал глубоко политический шаг, и я гарантировал этим, что на мои остатки не набросятся и не станут громить. К вашим же остаткам отнесутся по-иному. И, в-третьих,

придёт время нашего возвращения в деревню, а оно может быть связано с большими трудностями. И если я им сделал хорошо и дальше намерен делать лучше, то при возвращении они поделятся со мной последним. Но вам ничего не дадут, и ваше всё будет расхищено, а моё будет сохранено.

Конечно, вижу я, мы с вами едва ли подойдем к общему решению. Мне легко идти моим путём, потому что я в деревне много потрудился для неё, если я чего сказал там, моё все принимают за чистую монету, я всё время был в центре внимания бедняцко-средняцкой части населения, я с ними жил, за исключением Чубуков в деревне врагов не имел, у меня все друзья, поэтому мне легко вести намеченную мной программу вперёд. Но вам нельзя: вы, уезжая, сказали бы что всё оставшееся ваше, вам бы не поверили, потому что вы их там всё время обманывали и спаивали самогоном, а поэтому давайте спать. Спокойной ночи. Завтра приступим к обсуждению проекта ремонта квартиры.

Ремонт квартиры

На следующее утро мы обсуждали проект ремонта квартиры. Я совсем не имел жилплощади, братья тоже были временными жильцами, следовательно, квартира нам была нужна. У нас не было никакого плана, как отремонтировать, как распределять расходы и жилплощадь среди нас. Наша последняя дружба в деревне и новые обстоятельства как будто бы не давали никакого повода к сомнению, что мы нечестно отнесёмся друг к другу.

Мы заключили договор с ЖАКТОМ – домоуправлением. Мы с Ваней ещё не были устроены на работу, братья знали, что у меня из рук ничего не вываливалось, поэтому они нас с Ваней попросили производить плотницкие и подготовительные работы, то есть ещё до плотницкой надо было наши полуподвалы очистить от дров и мусора. Мы, конечно, с Ваней на это согласились, он у меня был толков, когда работал в кузнице, и здесь оказался хорошим помощником. Сколько мы с ним ни наметим, обязательно за день выполним. Выходили в 6 утра и кончали всегда в 10-11 вечера. Вечерами после своих основных работ работали с нами и мои братья. Мы уже кончали одну комнату, то есть настлали пол. Коля брат приводит своего шурина – электромонтёра для проводки электричества. Последний в беседе с ним спрашивает, это твоя будет комната? Коля отвечает – да. Такое суждение мне не понравилось, но я думал, что всё же между нами не должно получиться недоразумение. Плот-

ницкая работа у нас выходила очень неплохо, и мы уже стремились скорей пойти куда-нибудь устраиваться на работу.

Мы закончили первую комнату, то есть настлали полы, повесили двери. Столярная работа была сдана племяннику Пароходову, работы были сданы не аккордно на всю квартиру, а на каждую работу в той или иной комнате по отдельности. Мы с Ваней отделяли вторую комнату, клались печи, проводился водопровод. Кухня, уборная – всё это строилось одно за другим без задержки. Когда закончили первую комнату, приехала семья Николая из деревни со своим скарбом; конечно, поместились на первый случай там, где уже совсем отделано. Казалось бы, так поступил бы каждый, у кого семья приехала раньше.

Мы отделали вторую комнату, и приехала семья Александра и заняла её. Мы с Ваней таким путём отделали и третью – проходную, а также кухню, уборную. Одним словом, закончили все работы, очистили двор от нашего мусора. Мы с Ваней подвезли на себе нужный нам для ремонта песок, кирпич. Прделали мы, надо сказать, большую работу. Чуть не около 2-х месяцев мы работали на наше общее дело, а потом пошли на работу. Работали в квартире мы до пота лица, на совесть. Надеялись и знали, и они и мы, что все вечера мы работали вместе, а когда братья уходили на основную работу деньги зарабатывать, то мы тоже в это время работали на общее дело. Если по-честному поступить, тут не надо было и лишних разговоров. Но они получились.

Закончив все работы, нашей задачей было подытожить все расходы, связанные с ремонтом квартиры. Когда мы это сделали, положить нам с Ваней за работу никто из братьев не заикнулся. А Коля, даже когда записывал последние расходы, подчеркнул и начал всё подытоживать. Нам с Ваней было понятно, что выходит за то время, каковое им оплачивалось на производстве, у нас оно пошло без всякой оплаты. Я на первый случай промолчал, посмотрю, что будет дальше. Коля подвёл итоги и уже разложил на три равные части, но не по площади, а просто – нас три семьи и всем поровну. Я задаю вопрос, а как будет распределена эта жилплощадь? Коля заявил – а как мы уже заняли, то есть он будет находиться со своей семьей в отдельной комнате на 20 м, а нам комнату в 32 м на две семьи, Ване – проходную. Так как у нас ещё были нормальные температуры, я спокойно заявил за некоторые неточности, а именно 1) в первую статьи расходов нам с Ваней нужно сколько-нибудь положить за работу; 2) расходы по лесоматериалу разложить по квадрату жилплощади, а квадратная площадь на троих должна быть

только в местах общего пользования, вся остальная площадь должна оплачиваться по занимаемой площади каждого, свет – с лампочек, кухня, уборная, водопровод – на троих. Поскольку нас три семьи, а комнат у нас две, и всем по комнате не хватит, я предложил на комнату, в которой будет жить одна семья, сделать надбавку в 100 рублей за удобства. Своё предложение я считаю честным и беспристрастным. На такое моё предложение Коля встал на дыбы. В части положить нам с Ваней за особые труды, он сказал: «Вы всё равно в это время были безработные». О распределении комнат он сказал: «Я инициатор ремонта квартир, я вас всех писал сюда, я занял её и буду пользоваться ею, а вы скажите спасибо, что вам на 2 семьи досталась комната, никаких надбавок в 100 рублей я платить не буду. На улице никто из вас не остался, все под крышей, следовательно, должны платить поровну».

Он лично зарабатывал в то время до 300 рублей в месяц. Я ему говорю: «Коля, вы зарабатываете хорошие деньги, я не требую большой платы, но всё же сколько-нибудь надо нам заплатить, хотя бы на харчи, которые мы ели во время этой работы. Теперь мы были безработные только из-за того, что хотели скорей подвинуть ремонт. Если бы мы работали, как и вы, только вечерами, то когда бы у нас ремонт закончился?» Но Коля упорно стоял на своём. Александр – брат, этот, как чурбан какой, стоял среди нас, ни за моё, ни за его предложение. В конце концов, я просто вызвал его

Исаакиевская площадь, снимок 1900 года. Справа хорошо виден трёхэтажный дом, куда приехала семья Ивана Павловича в 1930 году. После войны он был капитально перестроен, превратившись в 5-этажный.

спросить, как он находит, что справедливее, а он мне ответил, что ему всё равно. Я подсчитал и вышло, что для него действительно всё равно, то есть согласится с моим предложением, разница получается большая у нас с Колей, а для него только рублей 60 остаётся в его пользу от моего предложения, а поэтому он и держит нейтралитет, что было нечестно с его стороны, потому что, если бы ему выступить за справедливость, то дело бы пошло на увязку, а не наоборот. Я вначале понял, что Николай это несерьёзно говорит, я добавил ему, что если его предложение провести в жизнь, то это равносильно второму раскулачиванию, но не советской властью, а своими родными братьями. Поскольку третьего человека не оказалось среди нас с Николаем, то дело по распределению расходов и жилплощади пришлось отложить до приезда старшего брата. Мы его называли – наш уполномоченный в деревне по ликвидации наших хозяйств, он проводил оттуда сперва Николаеву семью, потом Александра, в третью очередь – мою, и в последнюю очередь едет сам, в письме упоминает, чтобы и ему уголок в новой квартире дали. Лично я был обрадован, что этим у нас дело уладится. Все приезжали и несмотря на то, что у нас площадь не была распределена, занимали, кто где находил для себя лучше. Моя семья приехала последней, и ей осталось место у порога. Через 2 дня дожидались Гавриила.

Мечты об организации коммуны Парновых

Первая попытка к подведению расходов чуть ли не порвала мои политические струны новой жизни, но, оставшись один, я взял себя в руки, я вспомнил всё, как мы наладили хорошую жизнь между братьями до этого бегства, я вспомнил, как меня судили: была рабочая пора, но не посчитались с работой. Многие пришли, чтобы послушать, как будут таскать корни частной собственности. За этот суд я много раз останавливался и сейчас я почему-то опять про него вспомнил. Пришли многие только послушать, а потом из этих слушателей, сколько же прошло через тюрьму во время моей сидки. Ко многим я ходил в камеру, носил передачу, делал какие-то услуги для них, перебирали в беседах, кто раскулачен, а кто на очереди. В таких беседах переключались на политические темы, то есть строили выводы, как пойдёт дальше, чем может всё кончиться, мы думали об истории, которая пишется: придёт время – её будут читать и не поверят, как говорит Трунёв Алексей Иванович из села Берново, что для построения

социализма в деревне вызывали первым Парнова И.П. Я ему, конечно, возразил, что в историю будут заноситься такие пустяки, но он мне уверенно подтвердил, что придёт время, и мы все, кто остался в живых, соберёмся опять в Бернове и будем вспоминать, как пришли на первый показательный суд послушать тебя, как ты хорошо им сказал: «Ну что же, судите меня, того, кто 8 лет назад был нищий, просил по одному только фунту с каждого дома взаимобразно, а сейчас попал первым на скамью подсудимых. Моё имущество у всех на глазах я нажил лично сам, пусть меня рассудят, правильно я его нажил или неправильно, но я считаю, что нажил его честно и поэтому возьмите его у меня на построение социализма, но осудите так, чтобы у меня была возможность опять трудиться. Где я, там и хлеб». В дополнение он сказал мне: «Мы вот видим уже, что твои слова с делом не расходятся, ты и в тюрьме доказал, что хлеб твой ходит сзади тебя».

И вот такое воспоминание о прошлом и предстоящими трудностями заставили меня подумать о новой жизни, и главное – среди братьев. Мы во время подведения итогов, если и остались разных мнений, то всё же не поругались и грубого слова не сказали друг другу. Но Колина резкость и такое недобросовестное отношение к оценке наших с Ваней трудов меня страшно беспокоили, не получилось бы у нас чего такого, как мы жили в отцовском доме после моего возвращения из артели. Они тогда так были рады, что лопнули артели, и эту радость даже держали открытой. Всё это было пережито 12 лет назад, вспомнил – и жутко стало. Почему мне никто про это не напомнил, может быть, я и не поехал бы, но начинаешь себя успокаивать, что время-то изменилось. По частной собственности стегают кнутом, кто много имел, того расстреляли, а разве наша последняя дружба не давала повод к нашей совместной хорошей жизни? Да, безусловно, давала. Но плывёт в мозгу и другое, почему в тюрьму к другим ездили не только жёны, но и братья. Ко мне приходил Иван Владимирович, сенчуковский мельник, совсем чужой человек, но братья мои и сестра даже письма не послали. После такой-то дружбы на что же я сейчас опираюсь? Я прожил здесь около 2-х месяцев, сколько раз я говорил в разговоре, как всё нажитое было жалко, но они никогда ни меня, ни других не пожалели. Приехала жена и рассказывала: «Ваня, как мне было тяжело в деревне выполнять то или иное задание, всё надо в срок, иначе опять суд и тюрьма. Я думала, что, наконец, всё выполнила, но мне дали ещё два – сдать костей и тряпок. Павловские ходили разрывали конское кладбище и выкапывали

кости, но я ходила по деревьям как нищая, собирала кости и тряпки, лишь бы избежать суда. Но Гавриил Павлович, он, и когда ты сидел в тюрьме, нонче, когда бы он ни захал, он не сказал ни разу ничего, поднимающего мой дух, а наоборот всё меня пугал, что мы теперь пропадём – погибнем». «Ну что ты Ньюша, – говорю я ей, – он разве может забыть меня, того, кто спас ему жизнь. Если бы я не выплакал ему приговора от москвинских, он уже был бы расстрелян. Он хорошо знает это и будет помнить целый век, а поэтому конец всяким сомнениям. Он через два дня приедет, будет беспристрастен и поможет нам здесь во всём разобраться».

Анна Петровна Парнова,
1930-е годы

Вера в будущее у меня укрепилась, я вспомнил о своих заветах, въезжая в Ленинград, что я ко всему буду подходить политически. Следовательно, для нашей новой совместной жизни я решил построить политический фундамент, такой, чтобы мы жили мирно и дружно, независимо от кого-либо, жили открыто, общно и зажиточно, а самое главное – жить только политично! Что это значит? Каждый день помнить, что мы живём в первую пятилетку построения социализма, а поэтому надо своим примером показать образец жизни в духе этой платформы, на какую нас ставят. Идя всем нашим колхозом к поезду встречать Гавриила, я мечтал о своём предложении создать в нашей квартире 33 коммунальную жизнь – коммуны Парновых.

Уходя на вокзал, мы распорядились дома приготовить нам стол, чтобы отметить хорошо первые наши шаги начала нашей жизни. Я приготовился вполне серьёзно к разговору и ждал только нашего возвращения с вокзала.

Проект организации коммуны

К назначенному часу мы все стояли на платформе, ожидая поезда, последний не заставил нас долго ждать, мы встретили нашего старшего брата, забрали весь его багаж и пошли домой.

Дома нас тоже ждали как хорошего поезда, на столе всё было приготовлено, а поэтому, освободившись от багажа, мы каждый заняли своё место и наполнили наши чаши. Слово для приветствия было дано старшему брату. Гавриил напомнил нам о своих последних работах, что ему стоило каждое из наших хозяйств ликвидировать и посадить в поезд наши семьи. Он поздравил нас с новосельем, пожелал новых успехов, и мы протянули по первой, наполнили по второй. Слово по старшинству было за мной, по плану у меня было намечено в первом же приветствии высказать всё, но, поскольку видно было, что у всех развился аппетит, следовательно, их долго задерживать было невыгодно. Я коротенько оценил труды брата Гавриила, так без оценки их нельзя было оставить. Я поблагодарил его за то, что он помог с ликвидацией в деревне, поблагодарил Николая за то, что он нашёл эту квартиру, пожелал всем нам начать в ней новую трудовую, а главное, мирную и к тому же зажиточную жизнь. Я не упустил, конечно, из вида сказать, что и мы с Ваней на это дело пошли навстречу и тем самым подвинули наш ремонт. Мы выпили по второй, закусили и налили по третьей. На очереди приветствие Николая. Тот повторил наши пожелания и добавил, что он очень рад, что ему удалось найти для нас квартиру в хорошем районе.

Мы расположились возле Астории, Исаакиевского собора, все мы теперь в Ленинграде заимели оседлость и право на жизнь, он очень благодарил старшего брата, что тот все ему в деревне устроил и очень неплохо кой-чего продал. Он взял нотку из разговора первой нашей встречи «Там строят колхозы, ну и пусть их там строят, ещё раз поблагодарил брата, что ничего не оставил из его имущества для колхоза, пусть они сами научатся наживать. Им было плохо с нами жить и работать, так пусть они попробуют поработать без нас. Здесь для нас созданы неплохие условия, здесь все равны – и зажиточные и бедняки, а платят – кто сколько заработает, тот столько и получает. Для нас, приезжающих сюда, самое главное – это устроиться с жильём, а в остальном все дороги открыты. И теперь, поднимая бокал, я должен поздравить вас с тем, что мы под крышей, судьба свела нас опять всех вместе, так давайте заживём по-новому, а самое главное нигде и ни в чем не будем мелочными». После чего мы выпили и налили по четвёртой. Слово было дано меньшему брату. Александр поздравил нас и сказал, что вместо красивых слов он нам поиграет на гармошке (он был прекрасный гармонист). Но настроение пока было у всех деловое, никого на песни и пляски не тянуло. Я использовал момент

и взял второе слово для изложения своего проекта об организации коммуны из нас братьев.

Я был крепко подготовлен к этому, и выпитое вино создало мне прекрасное настроение. Я начал свою мысль с того, что «обстановка, в которой мы сейчас находимся, кажется мне не Ленинградом, а как-будто мы у кого-то из нас в деревне собрались. Ведь как в деревне праздник, так мы вместе, не хватает среди нас только нашей родительницы и сестры, а то было бы совсем похоже на наш деревенский праздник, и мы обменивались бы опытом наших отдельных хозяйств, нашими посевами-урожаями, тем, кто чего приобрёл, вырастил, построил. Бывало, мы выпьем, закусим и пойдём любоваться достижениями хозяина. Мы жили, росли и радовались на свою жизнь. Я хотел бы, чтобы и здесь у нас была такая жизнь. Мы собрались здесь не на праздник, не на один день, а может быть, проживём и десяток лет. Как для нас и не жалко прошлое, но от него надо отвыкать, то есть не будет у нас больше сельскохозяйственных разговоров, а будут разговоры, связанные с построением социализма и в деревне, и в городе. Среди нас братьев я один оказался жертвой построения социализма и поэтому изложенную мною мысль, я не думаю, что вы в ней увидите какие-то корыстные цели. Вы отлично помните, не следует вам повторять, брат Гавриил подтвердит, как таскали из тюрьмы к стенке, как каблуками рубили пальцы кулаков, вы помните мой разговор с мельником, вам известны мои заветы: въезжая сюда жить по-новому, жить только политично. Вам может быть покажутся странными и мои разговоры и я сам, но построение социализма в берновском сельсовете было первым жребием, выпавшим мне. Я хочу показать, что я был слеп, но, благодаря мельнику, прозрел и теперь пойду по-новому. Вставая рано утром и ложась на ночь, я буду думать о том, чтобы мне как-либо не помешать советской власти строить социализм, чтобы мне второй раз не попасть в тюрьму, чтобы мне оградить от повторений ошибок не только себя, но и своих братьев, потому что с налогообложением и до вас очередь могла дойти. А поэтому, если вам удалось удачно уехать, это очень неплохо, и теперь чтобы нам не навлечь на себя какого-либо гонения, мы должны нашу жизнь начать по-новому. Чтобы ни придумала советская власть по взятию нас, беженцев, на учёт, наша совместная жизнь своим образом могла бы нас защитить и могла действительно нас сохранить в рамках равноправия городского населения».

— Ну что ты хочешь предложить, — перебивает меня старший брат, — говори короче.

– Я хочу предложить в нашей квартире 33 построить комму-
нальную жизнь. Коммуну Парновых.

– Ах вот что ты надумал! Подожди браток, давай-как лучше
сперва по баночке протащим да закусим, а потом ты договоришь.

Такое предложение было поддержано большинством, у нас
были здесь не только братья, но и гости. Я, как своей речью подвёл
фундамент коммунальной жизни, показал организованность, то,
что в коммуне вообще подчиняются большинству. Я поднял бокал
и провозгласил:

– Выпьем за коммуну Парновых!

Мы выпили, закусили. Мне было предоставлено право продол-
жить свою речь.

– Итак, братки, я буду продолжать свою мысль с предвари-
тельным напоминанием о своих заветах, то есть, когда я вам го-
ворил, что я дальше шагу не ступлю ни в чём, прежде чем не про-
работаю мысль в своих мозгах.

– Ну что здесь-то есть у тебя политического? – перебивает
меня Гавриил.

– А вот что. Вы читали последние газеты, там пишут, что в
деревне строят колхозы, а городе ведут усиленную агитацию за
общественное питание, и не только в газетах.

Я подпихиваю новенькую тарелочку с клеймом «Обществен-
ное питание – путь к социализму».

– Нравится тебе такое выражение или нет, но они его постано-
вили и будут проводить в жизнь.

– Ну это их дело, пуская проводят, а нам то что до этого, – мне
заявляют.

– А вот какое. Для государства важно вот что. Вы видите, у нас
растёт промышленность, а рабочих рук не хватает. Они пишут,
что ежедневно тысячи домохозяек возятся на своих неблагоустро-
енных кухнях со тряпнёй, половина из них портит добро, не умея
вкусно приготовить, не умеют, а подчас и негде хранить продукты,
а мы для них построим дворцы-кухни с хорошими холодильника-
ми. И из этой тысячи домохозяек 900 будут абсолютно свободны и
могут, куда хочешь себя использовать. Хочешь учиться – учишь,
дверей пооткрывалось очень много, учат бесплатно, даже стипен-
дию дают. Не хочешь учиться – иди работай. Ни того, ни другого
не хочешь – сходи в столовую, культурно покушай и гуляй. Види-
те, как рисуют-то хорошо! А вот давайте посмотрим, не будет ли
это основой для советской власти. Лозунг «кто не работает – тот не
ест» есть, рабочих рук не хватает – не хватает. Промышленность

растёт? Да, растёт. Как найти и увеличить рабочую силу? Вот вам самое верное мероприятие – через общественное питание, из 1000 человек 900 будут вовлечены тем или иным путём в производство. Некоторые не пойдут прямо на производство, их увлекут учёбой, а всякого закончившего учёбу заставят в обязательном порядке два года отработать, и не там, где он хочет, а куда его пошлют, и таким образом его втянут в производство. Вот что значит общественное питание для страны, строящей социализм.

– Ну, а что ты хочешь этим сказать для нашей коммуны, – спрашивают меня.

– А вот что. Все мы хорошо помним нашу дружбу в деревне, где бы мы братья ни встречались, там везде были условия угостить друг друга. Если кто к кому заедет или зайдет, ставь жена скорей самовар. И вот теперь мы опять собрались все вместе, и не на сегодня и завтра, а может, пожить придётся долго. И надо вот так как сегодня, то есть, чтобы у нас была не простая будничная жизнь, а праздничная. А праздничная кухня может быть только коммунальная. Мы вот сейчас кушаем примерно все одинаково и будем иметь один общий котел. Я лично даже и не могу себе представить, дескать, как же я сейчас сяду за стол, живя в одной комнате с братом, а тот в это время будет сидеть в стороне, мне и кусок в горло не пойдёт. Но главная соль не в этом. Я раньше говорил вам, что всех нас беженцев возьмут на учёт, но пусть они придумывают какие-то для нас учёты, но, если мы построим свою жизнь в духе и букве, спускаемом Центром, нам не будет страшным никакой их учёт, и будет полная гарантия на спокойную жизнь. Теперь вам понятно, в чём заключается моя политическая мысль для начала жизни в Ленинграде. Печать кричит сейчас за общественное питание, а мы не будем дожидаться, когда к нам придут и скажут: «У вас 4 домохозяйки, оставьте одну, а трёх дайте нам на производство». Мы своим решением им покажем, что всё, что вы требуете через печать, мы охотно выполняем. Этим самым мы покажем своё лицо: пусть мы и из деревни, пусть мы и раскулаченные, но мы за последнее ничего не имеем, а дальше ведём жизнь, как вы учите и как требуете. Этим самым мы себя спасём от преследования.

– Да, теперь понятна твоя политическая деятельность к чему сводится: что раз тебя раскулачили, ты теперь готов танцевать под их дудку. Тебе-то это пожалуй и выгодно, но нам-то с какой стати лезть в эту петлю, мы ведь не являемся кулаками? Нет, из деревни мы уехали, потому что не хотим работать в колхозе и не

хотим слышать никакой агитации за колхоз. А сюда приехали – нас сразу опять опутывают агитацией, и не в колхоз, а в коммуны. Большое тебе спасибо, брат, – заявляют мне чуть-ли ни единогласно. – В деревне хоть придет какой шалопай из города и агитирует за колхоз, а здесь мы это слышим из уст нашего родного брата! Ты вот что, браток, много умничал в деревне, всё читал нам лекции, занимался с беднотой, всё хотел их тянуть за собой, учил как жить. Готов был на каждой отрасли сельского хозяйства поставить опыты на своём участке, а что получилось от этого? Тебя с твоими образцами посадили в тюрьму, а пока ты сидел, обобрали твой дом, и ваша беднота не спасла тебя. Ты нам тоже подсовывал разные журналы как вот и эту тарелочку с общественным питанием и тоже доказывал, что всё это в духе выпускаемых сверху указов. Довольно тебе подплясывать под них, живи проще. Не надо нам было в деревне колхозов, не хотим мы здесь быть в коммуне, наливайте-ка еще по рюмочке – заявил Гавриил.

Я сказал, что против рюмочки не возражаю, но против того, что я неверно жил в деревне по духу и букве я возражаю.

– Во-первых, если я проводил в жизнь по духу и букве законов в деревне, то я лично от этого не страдал до колхозов, я много занимался общественностью, но моё личное хозяйство росло куда быстрее ваших. Моя ошибка была лишь в том, что мне разгадал мельник в тюрьме, то есть , что я не читал того, что должно ожидать каждого из передовых людей в деревне, то есть раскулачивания. Но всё же я не раскаиваюсь, что я так жил, следы моей жизни в деревне остались, нажитого безусловно жалко, но моё добро не пропито, а пошло в фонд государства. Я третий раз теперь раскулачен в жизни, но я чувствую в себе достаточно силы и надеюсь, что если я буду не лишен свободы, я и в четвёртый раз наживу не меньше. Но сейчас я ставлю задачу перед собой, чтобы в 4-ый раз я не был раскулачен. Дальше надо жить не проще, как вы рекомендуете, а наоборот. Используйте всю свою мудрость, и тогда ты будешь обеспечен в будущем. Организация коммуны, которую я предлагаю, есть чистая польза не только для кулаков, но и для всех бежавших из деревни, в том числе и вас.

Во-вторых, вы меня упрекнули, что я струсил и начинаю прислуживаться советской власти, если предлагаю создать коммуны Парновых. Но я никогда трусом не был и, если предлагаю коммуны, опираясь на печать сегодняшнего дня, то не только себя хочу прикрыть коммуной, а кроме пользы для нашей квартиры другого не вижу. Нас здесь 8 человек трудоспособных и нас вполне

обслужит одна домохозяйка, а три могут пойти на работу. Семь человек из восьми будут получать зарплату на своих производствах, а восьмому мы положим сами зарплату. Мы будем деньги зарабатывать и таковых у нас будет немало, если мы будем жить коммунально, то будем жить празднично.

– А как зарплата-то, тоже в один котел? – задают мне вопрос.

– Да, отвечаю я, только не вся, а сделаем паевые взносы для взрослых и подростков, за детей будут вносить их родители. Будем вести отчётность, а так как мы кровная единая семья, то отчёт поставим честно, и не жизнь будет, а малина.

Они мне говорят:

– Ну, построят нам культурные дворцы и столовые, кто хочет идти на работу и не хочет заниматься стряпнёй, пусть с Богом идёт и на работу, и в столовую, а для чего нам здесь-то это устраивать?

– А вот для чего. Ведь нам в столовых еду не отпустят по себестоимости, а с надбавками, а от этих-то надбавок и получают средства для построения столовых. А мы здесь в своей хате все эти надбавки будем иметь в своих карманах. Это во-первых. Во-вторых, столовая не будет рядом расположена, в неё надо идти, сдать пальто на вешалку сидеть и ждать, когда к тебе подойдут и возьмут заказ. Сейчас на чай давать преследуют, чаевые ушли в перевороте, зато и официанты работают не спеша. И будешь ты сидеть ждать, а дома – пожалуйста – ты пришёл и сразу два дела сделаешь: ты и домой, и в столовую пришёл, и тебе всё без задержки подадут.

Это всё положительные стороны организации коммуны Парновых. Но есть ещё одна. Нас 4 семьи, для коих имеем две отдельных и одну проходную комнаты. В проходной мы сделаем общую столовую, а в каждой отдельной поместим по две семьи. Нам ещё предстоит разложить расходы, и при коммунальной жизни мы легко разберёмся.

Я на этом закончил, время уже за полночь, то ли от выпитого вина, то ли уже время пришло, но всех клонило ко сну. Решили объявить перерыв до следующего дня.

На следующий день мы встали, похмелились, старший брат обходил нашу новую квартиру, знакомился со всем, что мы здесь делали, а попутно рассматривал, кто как расположился, как расставил своё имущество, всё ли довёз в целости. Когда проходил мимо моего, он улыбнулся и сказал, что положение моё очень завидное, самое верное, что надо сколачивать коммуну. Поводом к

этим словам послужило то, что когда он пришёл на занятую мою территорию, он увидел, что стоит наспех сколоченная деревянная кровать, небольшой обеденный столик моего изготовления, одна корзина белья на 6 человек и шесть венских стульев. У меня была в деревне вся обстановка, но я не повёз её в город: мне почему-то чувствовалось, что наш переезд временный, и я шкафы не брал. На злокачественную улыбку и замечание брата я ответил, что в наших условиях для организации коммуны нам нужен только большой котёл, а остальное будет всё индивидуального пользования.

Вопрос об образовании коммуны передали на бабий совет и отложили до вечера. На бабкоме моё предложение истолковали так: никаких политических значений для нас всех это не имеет, образование коммуны целиком посчитали как моё безвыходное положение – семья 6 человек, один только может пойти на работу, а жену от такой мелюзги разве он пошлёт куда работать, кто с ними дома останется, вот он и выдумал жить коммунально. Готовить ясное дело должна его жена, он это предвидел, тебя или меня не поставят, – говорят три снохи, – мы умеем щи только варить, а у ней батяка и тётка повара, её научили и поэтому, если бы мы и взялись, всегда будут нам замечания, что мы не так приготовили. И теперь взносы: ясно видно, что с детей надо брать меньше, а они за день-то растаскают столько же, сколько и на большого придётся. «У вас есть по два ребёнка, – говорит старшая сноха третьей и четвёртой, – а у меня нет никого, я своих вырастила без вас, ну, и вы растите без меня». Вот такое решение вышло на бабкоме.

С бабами, конечно, согласились мужья. И поскольку было явно выражено в мотивах отклонения, что коммуна спасает меня, я вынужден был кой-чего братьям напомнить.

– Вы не придали политического значения моей коммуне, но это дело ваше, видимо, года вам потом покажут за это. А по части экономики, что я теперь пропал со своей детворой и в моем имущественном положении якобы спасти меня могла бы только коммуна, я вам заявляю, что детей своих выращу без вас и в условиях не хуже, чем будут воспитаны ваши. Не надо создавать панику и кричать, что я пропал со своими детьми. Вы все, как один знаете, что я четвёртый раз начинаю жить снова, сколько и кто мне помог в предыдущих трёх, вам не надо говорить, и сейчас я сам выйду из положения и буду жить не хуже вашего. Не забудьте, что я кузнец, ученик города, и скоро найду своих работодателей и создам опять себе авторитет. А добившись этого, у меня опять будет всё. Следовательно, я не навязываю вам то, что мне именно выгодно, я

считаю, что и вам это выгодно, сейчас вы не понимаете значения этого, но пройдут годы, когда вы с этим повстречаетесь на практике, но будет поздно. Не будем об этом больше говорить, не согласны, не надо, запишем одно, что я предлагал, вы отклонили. На этом и кончились суждения о коммуне Парновых.

Распределение расходов и жилплощади в квартире 33

По данному вопросу у нас возникли большие противоречия в нашем трио, и мы оставили этот вопрос до приезда Гавриила, надеясь на его беспристрастие. Тем более, что он писал, чтобы и ему уголок выделить. Собравшись все вместе, мы избрали старшего брата председателем для обсуждения такого важного вопроса и приступили к обсуждению. Мы ознакомили Гавриила со всеми расходами и с тем, в чём у нас были расхождения, поставили перед ним вопрос, будет он пайщиком нашей квартиры или нет. На всё это он ответил: Вы помогли мне разуваться когда приехал? (Когда его разували, то у него кругом ног в портянках были завернуты деньги). Для четверых здесь мало жилплощади, вы мне разрешите временно пожить немного, а я себе куплю отдельную комнату».

После такого его ответа стало ясно, что квартира 33 делится на троих и часть нашему племяннику Ване Медову. Гавриилу оставалось высказать свое беспристрастное мнение к нашему несогласию. Но он или потому, что его временное жильё должно было находиться в комнате, занятой Колей, или ему просто хотелось чего-то другого, но он сказал: «Хата ваша и разбирайтесь вы сами как хотите», а он в наши дела не будет вмешиваться. Такой ответ меня очень поразил, и я был вынужден прямо просить его сказать хотя бы пару слов за моё и за Колино предложение по данному делу. Но он категорически отказался, сказав: «Я вам не судья, я не люблю, когда в мои дела лезут, и сам в чужие дела не лезу, споры ваши и разбирайтесь вы сами».

– Позвольте, – я спрашиваю его, – за какие вы намекаете мне ваши дела? А помните ясли-сани, тебя просил не делать, но ты влез в мои дела.

– Ах вот в чём дело, – говорит Гавриил, – ты вспомнил ясли-сани, и ты вероятно вспомнил, как меня побил за это. Но, помилуй, я никак не ожидал, что ты сохранил в себе такую крепкую память, ведь прошло 19 лет! Я тогда ведь не хотел тебя этим обидеть, а помог тебе и интересам нашего общего хозяйства. Ты, может быть, имеешь больше обиду за то, что я не дал тебе сдачи, твои побои

принял на себя и, тем самым, скрыл всякие разговоры по деревне, что Парновы братья дерутся. Но зачем же нам этот разговор нужен сегодня-то? А вот я тебе и говорю, что на принципе этом не вмешиваюсь в ваши дела.

Я стал просить его рассудить, хотя бы по той части, чтобы нам с Ваней хотя бы на харчи-то заплатили, ведь мы почти два месяца работали на общее дело, а они в это время деньги зарабатывали, ведь это несправедливо будет с вашей стороны не оценить этого.

— А ты помнишь, я соседу семян дал продать на расходы своей семьи из общего засека. Вы-то были тогда сопляки, а я с женой работал на общее дело, ты как оценил это?

— Но, Ганя, — я ему говорю, — если ты работал с женой, а мы были сопляки, так ведь отец наш покупал по рубашке и нам, и тебе с твоей женой. Все это было давно-давно. Нужно ли нам перебирать старое во время построения социализма в нашей стране? Вот ты говоришь, мы разували тебя, из-под портянок развертывали кредитки, ты осматривал квартиру, кто как расположился со своим скарбом, тебе показалось смешным моё имущество. Но виноват ли я в этом, если на моём примере стали строить социализм? Я имел хозяйство не чета вашему в деревне, у меня его взяли не потому, что я преступник, а для того, чтобы дрогнул мир частной собственности, если меня обобрали сейчас, и я стал беден, это запишут в историю, на этом будет учиться весь мир. Следовательно, меня обобрали для мировой истории жизни, но не для отдельного лица. Но вот здесь теперь при Колиной оценке появляется новая обираловка, но в пользу одного лица, и вы не хотите набраться мужества сказать правду.

На что мне Гавриил ответил:

— В деревне тебя обобрала власть, пусть тебя здесь обирает, кто хочет, но от меня ты ничего нового не услышишь, я не хочу быть оценщиком твоих трудов.

Николай твердо стоял на своём, он добавил, что мы посчитали, чьих денег сколько вложено в ремонт, следовательно, Александр мне должен доплатить столько-то, а ты должен столько-то. Александр это предложение принял, а мне как хочешь, но положение осталось как есть.

Неполадки с братьями

Из прошлого моему читателю видно, что работа в артели, уход из отцовского дома, чёрный передел, моя помощь погорельцам, работа в кузнице, организация совместной уборки урожая и

многое другое – нигде не говорится, чтобы я там где нужно что-то делить взял больше и лучше других. Я всегда старался пожертвовать сам собой больше, чем другие. Другими словами, вся моя предыдущая жизнь была не за счёт кого-либо. И вот теперь попасть в такое ужасное положение мне казалось невероятным. Как я не мог раньше разглядеть своих братьев, вспомнил пожар, вспомнил Колину подмогу на погорелое место, вспомнил, как Гавриил проехал мимо дома и не зашёл посмотреть стройку брата, а вчера даже вспомнил ясли-сани. На построение социализма им всем наплевать, им абсолютно всё равно, что я являюсь нечаянной жертвой. По всем их действиям видно, что они даже рады, что я опять стал нищим. Вся внутренность братьев моих мне была ясна. Но, как идти дальше, неужели из святой коммуны, о которой я мечтал, жизнь в квартире 33 может превратиться в склоки, личные счёты или – что ещё хуже – скандалы. Мне казалось ужасным представление о будущей жизни с братьями. Переживая такие моменты сейчас, когда советская власть ставит жизнь на новые рельсы, надо было думать больше о новом, о предстоящем.

Но вот Коля, почему он хочет нечестно поступить именно сейчас, пусть он и раньше объегоривал меня много раз, но я же за всё их простил. Я никогда не упрекал братьев, что мне мало дали из батькиного дома, когда надо было помочь, я никогда не отказывал. Последние наши взаимоотношения были самые наилучшие, для чего же их нужно было изменять? Своё предложение я считаю вполне правильным, я поступил так же, как при переделе земли, оценил всё, как подобает. Если у них было бы сознание, они вместо платы за мои труды пихнули бы меня с моей мелочью в отдельную комнату, из них у меня у одного четверо детей, а у них по двое, и теперь их младшие равняются моим старшим. Но Коля очень нечестно требует, и главное то, что нам всем принадлежит, он занял нахально до распределения и называет его своим.

А Гавриил нарочно позвал меня стаскивать сапоги, чтобы я посмотрел, сколько у него там денег, и ещё показал на свой багаж, дескать, это тоже его плюсы. Но я не сказал ему, что я не радуюсь его положению. Я сказал, что я больше всего этого внёс в наше государство на построение социализма. Если сейчас я мало чего имею, то в прошлом имел всегда больше. Я ему добавил, что его положение куда приличнее моего, дети все взрослые, сам да жена и плюс всё это, оба трудоспособные и, если мало, то пошли и заработали. Но почему он в нашем общем деле становится в сторонку и допускает споры, ему бы только и сказать два слова: строили

вместе и всем одинаково приходится. Но он вместо требуемой от него справедливости даже мне напомнил ясли-сани. А за четвёртого меньшего брата я никак не мог судить иначе – считали его всегда в нашей семье за полудурка: и дома, и на стороне он редко говорил впопад. Следовательно, и здесь он поступает так не потому, что хочет меня обидеть, а столько у него ума. Коля сказал в своем заключении – платите, и он полез за деньгами.

Но как идти дальше? На этот случай лучше бы иметь голову на своих плечах. Натура у меня паршивая, я никогда не брал и не возьму чужого, но не могу допустить бесстыжей обираловки одним лицом другого. Я мог быть юристом. Когда в последнее время я жил Щелкачёво, ко мне все обиженные приходили просить защиты, и я защищал их. Кто бы они ни были, раз мне доказывали, что это принадлежит другому, я говорил – руки прочь от этого, и они опускались. И вот теперь, когда меня самого опутали паутиной несправедливости, я вижу, что нет третьего лица, кто бы мог разобрать наше дело, не вынося его наружу. Я бы, пожалуй, пошёл на уступки, дабы избежать внешнего разговора, что братья Парновы сошлись вместе и живут неладно и тем более, что среди них я сам, славившийся передовиком в берновском сельсовете, своей заботой о счастливом зажиточном будущем. Я должен найти честный порядочный выход. И в такой момент мне моя внутренняя психология диктовала: будь неизменным и иди тем же путем, как ты и до этого прошёл 40 лет твоей жизни, если ты не свернёшь, то будешь победителем. И я этому голосу послушался, как и тому голосу, который шептал мне после пожара, и пошёл дальше.

Вот таково было наше распределение жилплощади, что с семьёй за такие мои труды на общее дело пришлось устроиться у порога в одной комнате с Александром. По отношению к Николаю нужно было права искать через суд, но я не пошёл на это дело. Это будет противоречить моим планам, жизнь в Ленинграде я должен был начать по-новому, всегда впереди себя иметь политику, но не экономику. Нет, я твердо решил, что пусть я буду ещё раз жертвой пусть и со стороны своих родных братьев, но в суд не пойду. Если мне не удалось построением коммуны создать хорошее впечатление со стороны актива ЖАКТа, что 33 квартира живёт в духе построения социализма, то всё же, если я подам в суд, то навлеку плохих разговоров о своей квартире. Будем жить тихонько. Безусловно, всё это я сказал Николаю, чтобы он знал, по какой причине я принял от него пощечину. Будущее за всё покажет, кто какие семена сеет, тот будет и пожинать плоды свои. Но поскольку

ку я не ожидал, что он меня так оберёт, в моём бюджете получился дефицит: моя жена в деревне продала столько, сколько нам было необходимо для расплаты с налогами в деревне и на предполагаемый ремонт квартиры, а обираловка Коля создала разницу в моих подсчётах. Колиных денег в квартиру было внесено больше и по подсчётам я ему должен был доплачивать. Я попросил его лишь бы он не तोпил меня с погашением этой разницы. Но что получилось из этого? Он не только не согласился ждать, но стал требовать, чтобы я погасил его немедленно, он мне приписал многое, что в действительности не вязалось с моими мозгами. Мы ещё до приезда наших семейств из деревни беседовали – продавать всё, на

Иван Павлович и Анна Петровна с детьми. Ленинград, примерно 1933 год.

что найдется покупатель, за исключением домов, но я лично продавал только то, что не будет являться особо нужным для будущего колхоза. Сверх с/х инвентаря у меня было сдано примерно 50 пудов зерна на хранение. Это хранение они мне приписывали, что я жду повышения цен на зерно, чтобы побольше взять за него, но я доказывал им, что я сделал это только их одного соображения: я верую, что таких как я, наше правительство учтёт, что мы им дадим большую пользу в деревне. Нам создадут условия вернуться в деревню и, если у меня будет в наличии инвентарь и семена, меня в любой колхоз примут, а с пустыми руками нам трудно будет устроиться.

Но Коля такой моей политики совсем не признавал, особенно его жена его подстрекала, что я держу этот фонд ради наживы, а поэтому всякий разговор за отсрочку их бесил. Потом я уже давал ему расписку, что пусть зерно будет наше общее, находится оно у наших общих родственников, оцени половину по настоящей стоимости и засчитай как оплату долга, только не подозревай, чего другого. Но он говорил, что не надо ему в деревне никаких фондов, а гони монету, у тебя кроме деревни есть тулуп хороший здесь, чего

ты его держишь, снеси на барахолку и продай. Я ему говорю: «Коля, ты видишь моё положение – у меня всего только и есть, что один тулуп, мы не знаем, какая зима будет, тепла ли наша квартира, мы остались на зиму только с летними рамами, может, будет очень холодно, я посажу свою детвору под него и будут сидеть как на печке». Но он меня окончательно извёл за тулуп, я обегал всех родных и знакомых, но всех денег я не мог собрать. В конце концов, решил понести тулуп на барахолку. Но на этот тулуп нашёлся только один покупатель, который брал его не как тулуп, а как мех на воротники и за него положил только 60 рублей. Я за такую сумму, конечно, не согласился, он стоил не менее 150 рублей. Коля сверх рынка мне немного прибавлял и намерен был взять тулуп для себя, но меня его прибавка не удовлетворила. Я упрашивал подождать с получки до получки, надеясь, что мои заработки повысятся, и я заплачу. Но Коля и его жена не давали покоя ни мне, ни моей жене. Его жена вечно плакала, что ей даже продуктов выкупить не на что, а мы задерживаем деньги, но мы видели обратное, что его жена не продукты выкупала, а каждый день носила мануфактуру домой. Такое вымогательство вынудило меня сказать, в конце концов:

– Коля, если у тебя уж такая нужда, ты бы обождал делать запасы промтоваров, ведь ты же в этой части неплохо обеспечен.

Иван Павлович (в центре в белых штанах) в санатории в Крыму

Но он, взгорячась, силой увлѣк меня в свою комнату, открыл сундук: «Вот посмотри, что я покупаю, что новое, а что нет». Там действительно полсундука лежит старой мануфактуры. Он говорит: «Не веришь этому, обыщи всю комнату, но не говори с женой своей, что мы носим мануфактуру», – и пошёл после этого к выходу из своей комнаты. А я ему говорю:

– Ты подожди брат, не уходи, ведь я не ставил вопроса тебя обыскивать, ты меня силой увлѣк, и вот теперь создатель впечатление, что я был у тебя с обыском. Так чтобы уже не говорили попусту с этим обыском, открой шкаф, я посмотрю, права моя жена или нет, если неправа, я ей это не прощу.

Он, конечно, распахивает дверцы, и факты налицо – в шкафу лежат три порядочных свѣртка, обѣрнутых бумагой, по всему виду – вновь купленная мануфактура.

– А это что? Так, значит, ты доводишь брата чуть ли не до петли, говоришь одно, а делаешь другое.

Вместо него говорит его жена:

– Мы покупаем на свои деньги, кому какое дело до нас.

– Да не в этом дело, говорю я, покупайте, пожалуйста, но не паникуйте, что вам паѣк выкупить не на что. Ведь это сверх бесовестно, свои люди и такое вымогательство, вам хватило совести обобратить меня, сейчас вы довели дело до обыска, кому он нужен и в такое время, бесстыжие вы люди! После этого факта вы мне ни единым словом не заикайтесь, когда вам заплатит, при первой поступившей ко мне копейке я вам её верну. Коварные вы и злые люди, сказал я им на дорогу, – и вышел вон.

Вот каковы были начала новой жизни с братом Николаем.

Моя первая работа

Когда мы только приехали из деревни, то положение было таково, что каждый вновь приехавший мог поступить куда угодно на работу, лишь бы подошла его квалификация. Но пока мы возились с ремонтом квартиры, вышло постановление, что полу-

Анна Петровна Парнова,
30-е годы

Реклама завода «Большевик»,
Ленинград, 30-е годы.

молота, но меня уверили, что сейчас такие не требуются, а у тебя большой стаж и ты скоро освоишься с паромолотом. Если отказаться, то надо ждать и ходить на биржу, но мы так долго просидели на стройке, что большая была жажда работать, где-бы то ни было, лишь бы платили. Я взял направление и поехал на завод, меня оформили и направили в цех № 40. Испытание я выдержал. Но, к сожалению, работа мне не понравилась. Во-первых, я вновь почти начинающий кузнец и мне дали такого же машиниста, и во-вторых, все почти работы по чертежам, в которых я «ни бэ ни мэ» не понимал. Следовательно, прежде чем работать хорошо, я должен сперва учиться, а у меня семья 6 человек, ждут хлеба. Я проработал 2 с половиной месяца, зарабатывал не более 160 рублей в месяц. Такая зарплата равнялась зарплате меньшего брата, а Николай, который всегда хуже меня работал, зарабатывал свыше 300 рублей. Это давало им право надо мной подтрунивать, что вот, мол, деревенский кузнец, а здесь почти что с Санькой наравне. Я подал заявление начальнику цеха о переводе меня куда-либо в другой цех кузнецом ручного молота, он мне отказал, ссылаясь на то, что на их заводе таких не требуется. Узнав причину, он мне дал гарантию платить в пятом месяце по 5-му разряду, лишь бы я не уходил от молота. С этим я тоже не согласился, а обошел все цеха, написал заявление на первого начальника с просьбой посодействовать мне с переводом из цеха № 40. Я был в Транспортном отделе Главного механика и, наконец, нашёл себе работу в котельном цехе, меня снабдили резолюциями. Но как дошло до начальника цеха № 40, то тот ни в

² Бывший Обуховский сталелитейный завод. 4 ноября 1922 года по решению Петросовета был переименован в Петроградский Государственный Орудийный Оптический и Сталелитейный завод «Большевик». На заводе в 30-е годы были изготовлены первые советские тракторы и танки.

чить работу можно только через биржу. Помня свои заветы начать городскую жизнь политично, я решил к вещам подходить только спереди, но не сзади. Я пошёл на биржу, которая направила меня на работу на завод «Большевик»² цех № 40 на паровой молот. Я заявил, что я кузнец ручного

Школа № 239 (особняк Лобанова-Ростовского), где учились все дети Парновых, 20-е годы

какую, даже и сектор кадров был бессилён. Зная, что по городу проводится борьба с летунами и имея кой-какие резолюции от начальников других цехов завода, я решил больше туда не ходить и устроился в строительную артель «Строй-дело», кузница которой находилась во дворе дома, где мы устроились на жительство. Я освободился от 2-х часовой давки трамвая на завод «Большевик» и обратно и стал работать как в деревне: кузница у меня получилась на огороде, работа была самая моя, и я в первый же месяц шагнул за 300 рублей. На завод я ездил три раза за расчётом и получил его только через 3 месяца.

У меня из деревни был привезён ковочный инструмент. Однажды я вынул его, наточил, говорю: «Ну, жена, дай попробую схожу куда-либо, что же по 8 часов работать только, можно пожалуй себя избаловать». Я пошёл и – представьте себе – вернулся через полтора часа, имея красненькую в руках. Четыре ноги только перековал на старые подковы, шепчу жене, а извозчик посмотрел на мою работу и дал 10 рублей. Говорит, чего ты сразу с осени к нам не заглянул, когда была перековка? Ты бы без сотни от нас не ушёл, а теперь самое глухое время, но ты заходи к нам почаще, а если твоя работа прочной будет, то порекомендую тебя другим. Говорю жене: «Помнишь, когда мы ехали на станцию, ты говорила мне – не ездь Ваня, не прокормить тебе нас. А я тебе говорил, что я городской кузнец, не пропадём, и вот эта красненькая наша первая вестница, их потом к нам много потечет. А сейчас в честь такой

радости грей чайник, пойду и себе и ребятам куплю побаловать всех за счёт открытия новой доходной статьи, каковой ни один из моих братьев не имеет».

* * *

От публикатора

На этом записи Ивана Павловича Парнова обрываются. Возможно, что продолжение и существует, но по какой-то причине до нас не дошло. Семья пережила блокаду Ленинграда, старшие братья – Борис и Пётр были на фронте, Валентина и Герман – с родителями, помогая друг другу выжить в это страшное время. Иван Павлович умер в 1959 году на 70-м году жизни, Анна Петровна пережила его на 5 лет.

Парнова Р.Г.

Серафимовское кладбище, участок 37.